

Начался май, а снег в Заповеднике не растаял, первоцветы не распустились, птицы не прилетели... Задержалась весна, заблудилась по дороге! Проснувшись однажды утром, Саша Прошкин подумал, что пора отправляться на поиски.

– В тайге жареных ещё не находили, – мудро заметила Сашина бабушка, – одевайся теплее. Шарф, свитер, варежки...

Но мальчик, захватив с собой фотоаппарат и полевой дневник, уже убежал в лес. Он обошёл все тропки, которые знал, и забрёл в самый дремучий бурелом. Вдруг под склоном горы между огромными камнями он заметил необычный сугроб с ледяной корочкой на макушке. Из сугроба слышалось размеренное дыхание.

– Вот ты где спряталась, весна! – обрадовался Саша.

Снег на сугробе немного просел, обвалился, и показалась заспанная мордочка симпатичного зверька.

– Тише! Если маму разбудишь, она тебя съест! Мы за зиму почти треть запасов веса сбросили... Я-то молоком ещё питаюсь... А вот мама – не побрезгует.

– Кто же твоя мама? – поёжившись не то от холода, не то от страха, поинтересовался Саша.

– Медведица, – протянул малыш и снова скрылся в берлоге. Досыпать.

Бабушка рассказывала Саше, что медведи раньше особенно почитались среди кочевых народов Севера. Долганы верили, что медведь – это человек, который превратился в зверя. А эвенки никогда не называли опасного хищника по имени, боясь рассердить его. Они говорили: «амака», что значит «старик», или «эбэчи»,

что значит «старуха». Очень интересный зверь! Любопытство пересилило страх. Мальчик снова тихонько позвал медвежонка.

– Как же это вы спите всю зиму и не просыпаетесь?

Новый знакомый высунулся из берлоги, но вылезать не стал. Рядом с мамой было тепло, а в лесу холодно.

– Осенью перед спячкой мама могла съесть по 40 килограммов еды в день, – слышался заспанный голос. – Это были и сладкие ягоды, и рыба из реки, и разные звери.

– Звери?! – Саша снова не на шутку испугался.

– Ну да. Мы ведь всеядные. И оленя можем съесть, если поймаем. Это я сейчас питаюсь молоком. А когда подрасту, когти у меня станут размером с карандаш, которым ты свои записи в полевом дневнике сейчас делаешь...

Саша измерил карандаш линейкой. Получилось 14 сантиметров!

– Я, пожалуй, пойду. Не хочется тут шуметь. Вдруг твоя мама всё-таки проснётся.

– Подожди, – попросил медвежонок, – я ведь ещё не всё рассказал!

Саша послушно остановился, и будущий «амака» увлечённо продолжил:

– После того, как взрослые медведи наберут вес, они делают себе уютную берлогу и ложатся спать.

– Да, да... И пусть себе спят! – Саша невольно сделал маленький шагок назад. Воображение разыгралось. Под сугробом в берлоге – взрослая голодная медведица, которая даже после зимы весит больше, чем самый большой снегоход в Заповеднике...

Медвежонок тем временем как ни в чём не бывало выдавал медвежьи тайны:

– Во время спячки все процессы в организме замедляются... Пульс уменьшается почти в два раза... Но спячка – это не анабиоз, как у моллюсков или земноводных. Медведи могут проснуться даже зимой от громкого шума, например. А знаешь ли ты, мальчик, что если разбудить бурого медведя не вовремя, то ему будет очень нелегко заснуть снова! Такой медведь очень злой и опасный. Он шатается по лесу туда-сюда, и его называют шатуном...

– Но уже весна! Май – последний весенний месяц, – отчаянно возразил Саша. – Я собственно, и в лес-то пришёл, чтобы весну найти! Думал, это она в сугробе живёт!

– Это по человеческому календарю весна. А у природы на этот счёт другое мнение. Особенно за полярным кругом, где мы сейчас находимся, – спокойно сказал медвежонок. – Кстати, если мама проснётся и побежит, её скорость будет около 60 километров в час...

Саша Прошкин даже попрощаться забыл. Спотыкаясь о коряги, цепляясь за кусты и проваливаясь в сугробы, он что есть силы бросился домой.

А медвежонок залез обратно в берлогу и вместе с мамой проспал ещё несколько деньков, пока не наступила оттепель и в Заповедник не пришла настоящая весна.

Художник Ольга Демидова
Фото Сергей Горшков

